

О Е. Т. ГАЙДАРЕ КАК О ВЫДАЮЩЕМСЯ РЕФОРМАТОРЕ И УЧЕНОМ

Абел АГАНБЕГЯН

академик РАН,
заведующий кафедрой экономической
теории и предпринимательства АНХ
при Правительстве РФ

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

Сразу же подчеркну: я глубоко уважаю Егора Тимуровича, мало того — преклоняюсь перед ним. Искренне считаю его самым крупным экономистом новой России, наиболее глубоким исследователем переходного периода России к рыночному хозяйству. Но самое главное — я считаю Е. Гайдара выдающимся реформатором нашей социально-экономической системы.

Когда мне в 1989 году, уже на склоне лет, пришлось стать ректором Академии народного хозяйства при Правительстве СССР — ведущего учебного центра для подготовки хозяйственных руководителей и крупной научно-исследовательской организации, то первым моим побуждением было пригласить Егора Гайдара как самого молодого из крупных ученых-экономистов, которых я знал, в руководство Академии.

Егор Тимурович согласился возглавить Институт экономической политики, который специально под него был создан при Академии. Я знал, что у Егора Тимуровича среди способной академической молодежи было много единомышленников, безоговорочно признававших его научное лидерство.

И действительно, в короткий срок Институт был сформирован, и в него пришло более 60 научных работников, преимущественно 30-летних. Их увлекла идея Е. Гайдара — научно разработать проблему перехода страны к рынку, используя достижения мировой науки и обобщив уже наметившуюся практику в постсоциалистических странах Европы.

Предложения Института по реформированию экономики страны, подготовленные в короткие сроки (практически за год), заинтересовали

Г. Бурбулиса и Б. Ельцина, и, как известно, Е. Гайдар с командой в конце 1991 года был приглашен возглавить экономический блок Правительства России. И это было, на мой взгляд, большой удачей для страны, что в такое смутное время распада СССР и катастрофически нарастающего социально-экономического и политического кризиса нашелся выдающийся лидер с коллективом единомышленников и проработанной программой по выводу страны из кризиса путем перехода от централизованного планово-административного хозяйства к рыночной экономике.

Речь шла о грандиозной исторической задаче — замене обанкротившейся социально-экономической системы социализма другой системой, основанной на частной собственности и развитом рынке, — системой, присущей передовым капиталистическим странам.

Самое трудное заключалось в том, что этот самый сложный переход требовалось осуществить в поистине ужасающих условиях — распада страны, практического безвластия и надвигающейся социально-экономической катастрофы в ходе углубляющегося кризиса.

Это было действительно «смутное время», когда все катилось под откос, когда старая власть и старые механизмы уже не работали, а новая власть еще не обрела силу, новая экономическая система не сформировалась, и была полная неясность, что делать.

Перед правительством встали труднейшие, казавшиеся неразрешимыми, проблемы. Например, получив хороший урожай зерна в 1991 году, колхозы и совхозы из-за низкой плановой цены на зерно не повезли его на элеваторы, а предпочли хранить у себя в непригодных помещениях, где оно начало портиться. А в это время специализированные откормочные хозяйства по птицеводству и свиноводству сидели без кормов и были вынуждены резать животных. В городах запасы продовольствия сократились до двухнедельного срока, а зарубежные страны больше не соглашались поставлять продовольствие в Россию из-за скопившихся в последнее время огромных внешних долгов и полной неплатежеспособности страны, в которой предшествующими правителями были израсходованы все валютные резервы и растрочены почти весь золотой запас. Над страной нависла реальная угроза голода.

В это же самое время шахтеры уже который месяц продолжали бастовать, требуя непрерывных добавок к зарплате, сокращения рабочего дня, увеличения пенсий, а зачастую даже смены власти. Их увещевали, им помогали, но все без толку — уголь они не добывали. В преддверии надвигающейся зимы котельные и электростанции не имели зимнего резерва топлива. Нас ожидала холодная зима без тепла и света.

Магазины, в то время государственные, были пусты, а если в них что-то и поступало, то оно в значительной мере скупалось спекулянтами и попадало на огромный и неуклонно растущий «черный» рынок, где все продавалось втридорога. Деньги на глазах обесценивались, цены на неорганизованном рынке ежедневно росли, шло стихийное перераспределение огромных финансовых потоков, многократно выросла преступность, в том числе организованная, процветали хаос и спекуляция. У правительства не было средств, казна опустела, все сбережения населения, все вклады предприятий в государственный банк были растрочены.

В условиях распада СССР, экономического хаоса, всеобщего дефицита и безвластия в России начались центробежные тенденции. Отдельные автономные республики объявили себя чуть ли не самостоятельными государствами и добивались установления отношений с центральной властью России как с равноправным партнером. Возникло движение за то, чтобы прекра-

тить платить налоги в центральную казну, а собирать все налоги в регионах, чтобы затем регион самостоятельно решал, сколько налогов следует отдать в центр — в зависимости от того, что центр дает регионам. Возникли инициативные группы по формированию Уральской Республики, Дальневосточной Республики — дело шло к распаду России.

Правоохранительные органы, армия плохо обеспечивались, нерегулярно получали довольствие и зарплату и практически стали недееспособными. Никаких иллюзий относительно их способности навести порядок в стране не существовало.

В ужасающем положении оказались самые привилегированные — оборонные предприятия и организации, постоянно имевшие приоритетное финансирование из государственным средств. Их финансирование практически прекратилось, и эти предприятия оказались брошены на произвол судьбы. А ведь многие из них были градообразующими предприятиями, фактически содержавшими на балансе целые моногорода. На этих предприятиях было занято около 9 млн трудящихся.

Вот какое наследство получило правительство Гайдара, и у этого правительства не было времени для размышления, для разработки программ, экспериментов. Чтобы предотвратить реально надвигающуюся катастрофу, требовалось действовать немедленно, кардинально.

России грозила полная остановка производства, гиперинфляция, массовая нищета, распад страны, а в худшем случае — социальные волнения, перерастающие в бунт, и даже гражданская война, как это случилось в Грузии, в Таджикистане и в худшей форме — в Югославии.

Положение в стране было настолько ужасающим, что многие полагали, что после холодной и голодной зимы весной произойдет народный бунт, который сметет руководство страны и ввергнет ее в пучину длительного хаоса, а возможно, и гражданской войны. Поэтому правительство Гайдара многие считали правительством «камикадзе», чья судьба, и то в лучшем случае, — просуществовать до весны.

И здесь уместно сказать о большом мужестве Е. Гайдара и его сподвижников, которые в это смутное время возложили на себя тяжкое бремя ответственности за судьбу страны.

Е. Гайдар считал, что главным средством, с помощью которого можно будет избежать экономической катастрофы, голодной и холодной зимы, может стать быстрый переход к рынку путем всеобщей либерализации цен, с одной стороны, и жесткого контроля над финансовыми и денежными потоками, с другой.

Следует подчеркнуть, что никто никогда ни до, ни после России не переходил к рынку в подобных условиях. Никакого опыта здесь не существовало. Подобный переход делался впервые, и никто точно не знал — и не мог знать, к чему это могло привести.

Понятно также, что такой форсированный, как говорят — *шоковый*, переход к рынку, при полном отсутствии времени на его подготовку, не мог быть плавным, спокойным, предсказуемым, а тем более — безболезненным. Но это был единственный путь предотвращения социально-экономической и политической катастрофы.

Либерализация цен, которая произошла 2 января 1992 года, вскоре соединила зерно и корма с нуждами животноводства, с одной стороны, и крупных городов, с другой, и общий голод был предотвращен. Через два-три месяца, уже в марте—апреле в магазинах и на многочисленных лотках появились товары, правда в среднем по утроенным ценам в сравнении с установленными

в советское время ценами в государственных магазинах, по которым, однако, уже давно ничего нельзя было купить. Теперь же товары лежали на прилавках свободно, увеличилась возможность выбора, расширился ассортимент.

Главной проблемой стало то, где взять деньги. Но деньгами распоряжалась центральная власть, деньги были в Центральном банке, а в руках государства был печатный станок. Поэтому регионы уже в первые месяцы распространения рыночных отношений оказались вынуждены пойти за деньгами на поклон к центральной власти. Им необходимо было кормить свое население. И центробежные тенденции, таким образом, постепенно сменились центростремительными. Была предотвращена угроза распада страны.

В свою очередь, шахтеры быстро поняли, что им никто не поможет, кроме них самих, и стали работать, получая приличную зарплату. Они добыли достаточно угля, чтобы прожить зиму, и зимой 1992 года котельные и электростанции в целом обеспечили страну и теплом, и электроэнергией.

Но столь быстрая либерализация цен в крайне неблагоприятных условиях неизбежно имела и серьезные негативные последствия. Снизились реальные доходы у значительной части населения, особенно у тех, кто получал фиксированную заработную плату. Многие предприятия, привыкшие работать по плану, когда их продукция распределялась органами снабжения, а не продавалась на рынке по договорным ценам, не смогли приспособиться к новым условиям и наладить производство того, что пользовалось спросом. Поэтому оборотные средства этих предприятий при повышающихся ценах и плохом сбыте производимой продукции постепенно «проедались», и предприятие начинало жить в долг, не расплачиваясь за поставляемые материалы и комплектацию, задерживая выплату зарплаты. Как снежный ком стала расти взаимная задолженность предприятий.

Снижение реальных доходов значительной части населения и нарастание взаимной задолженности предприятий усугублялись тем, что правительство Гайдара очень жестко контролировало финансы, не допускало чрезмерного роста дефицита бюджета и пыталось путем ограничения денежной массы снизить ежемесячную инфляцию, не дать ей возможности перерасти в гиперинфляцию. И это правительству удалось.

С каждым месяцем цены росли все меньше, и угроза гиперинфляции, особенно высокая на первых шагах либерализации цен, была предотвращена. Но зато возникли проблемы с обеспечением населения потребительскими товарами, с одной стороны, и с возобновлением нормальной работы промышленности, которая приостановилась из-за огромных взаимных долгов предприятий и «проедания» оборотных средств, с другой.

К июню—июлю 1992 года по этим направлениям создалось угрожающее положение, и правительству пришлось вносить коррективы в свою политику. Правительство пошло на повышение пенсий и заработной платы бюджетников. Наряду с этим Центральный банк провел взаимозачет долгов предприятий и финансировал предприятия для пополнения оборотных средств с тем, чтобы они продолжили работать и выпускать продукцию.

Экономика оживилась. Реальные доходы несколько выросли после серьезного падения в первом полугодии 1992 года. На эти цели пришлось выделить значительные средства, и это привело, начиная с августа—сентября 1992 года, к некоторому повышению инфляции.

Как бороться с инфляцией, правительство Е. Гайдара уже знало. Оно приобрело необходимый опыт регулирования финансов и денежной системы. Так что, если бы правительство Гайдара осталось у власти, то, я уверен, им удалось бы снизить инфляцию до нескольких процентов в месяц, что быстро

оздоровило бы всю финансовую систему и создало бы более благоприятные условия для работы промышленности.

Отмечу, что значительная часть постсоциалистических стран в 1993 году смогла в основном справиться с инфляцией, жестко привязав свою национальную валюту к конвертируемым валютам Запада, прежде всего к доллару. И хотя при этом 1993 год был у них преимущественно годом стагнации, все же удалось подготовить условия для того, чтобы уже в следующие годы (1994—1995) народное хозяйство смогло начать выходить из трансформационного кризиса.

Думаю, что в случае сохранения правительства Гайдара у власти в то время Россия смогла бы оказаться в числе передовых стран в этом направлении. Но в реальности все произошло иначе.

Осенью 1992 года правительство Гайдара отправили в отставку. Вместо него пришло правительство во главе с В. Черномырдиным — правительство крепких советских хозяйственников. На первых порах своей деятельности оно присоединилось к критикам правительства Гайдара (которое обвинялось в монетаризме, в излишнем внимании к финансовой и денежной стороне дела вместо того, чтобы напрямую заняться производством и оказывать ему помощь). Оказание финансовой помощи отдельным, прежде всего крупным, предприятиям в конце 1992 года и в 1993 году стало основой деятельности правительства В. Черномырдина. И предприятия одно за другим начинали работать, используя государственные средства в большей мере, чем выручку от реализации своей продукции, которой уделялось недостаточно внимания.

Впрыскивание в экономику излишней денежной массы привело к быстрому росту инфляции, и в целом за 1993 год только в России потребительские цены выросли почти в десять раз. Столь значительная инфляция вновь привела к «проеданию» оборотных средств и нарастанию взаимного долга предприятий, что в итоге спровоцировало масштабный спад промышленности. Осенью 1993 года неожиданно для правительства промышленность практически встала, объем промышленного производства в России впервые сократился на треть. Отметим, что в худшем 1992 году, когда более остро чувствовались последствия распада СССР и всеобщей конверсии военного производства, промышленность сократилась намного меньше — на 19%.

Правительство не знало, что делать, и вынуждено было пригласить в качестве первого вице-премьера того же Е. Гайдара, чтобы тот «двинул вперед» промышленность. Вместе с министром финансов Б. Федоровым Е. Гайдару удалось это сделать буквально за несколько месяцев.

После этого ЧП финансово-экономический блок правительства возглавил единомышленник Е. Гайдара — А. Чубайс. Больше подобных случаев 1000-процентной инфляции уже не было. И В. Черномырдин, и члены его команды, я думаю, осознали, сколь важно в рыночной экономике держать под контролем финансы и денежное обращение.

Огромное падение общественного производства в 1993 году, которого можно было бы избежать, сделало трансформационный кризис в России особенно глубоким и продолжительным.

Другие страны стали выбираться из кризиса уже с 1994 года, Россия же после катастрофического 1993 года могла бы выбраться из этого кризиса в лучшем случае в 1995—1996 годах, но 1996-й был годом президентских выборов, когда в ход был пущен механизм ГКО, обусловивший недофинансирование промышленности и сокращение объема промышленного производства. Вдобавок многочисленные льготы по налоговым платежам, таможенным

пошлинам, которые будущий президент раздавал направо и налево, привели к резкому недобору доходов бюджета, в связи с чем возникли трудности с регулярной выплатой пенсий и заработной платы бюджетникам.

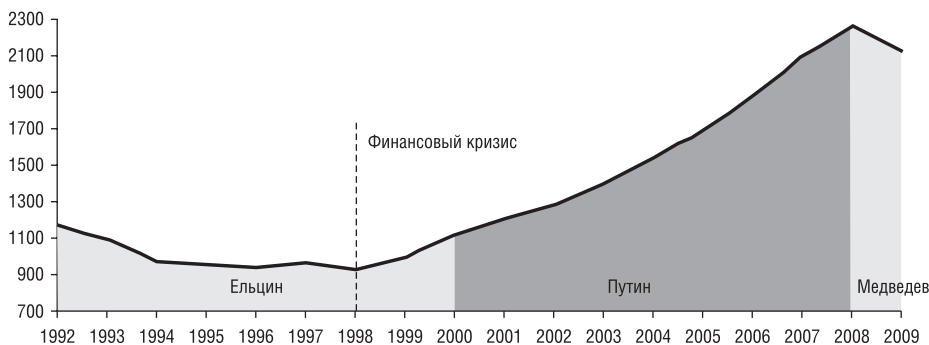
Пришлось реорганизовать правительство, ввести в него «молодых реформаторов» — А. Чубайса и Б. Немцова, которые сумели в 1997 году исправить положение: быстро устранить задолженности пенсионерам и бюджетникам, резко повысить собираемость налогов и пополнить бюджет. И 1997 год стал исключением из череды кризисных лет, когда впервые ВВП и промышленность не сократились, а даже увеличились. Кстати, еще больше выросли реальные доходы населения — на целых 6%. Впервые инфляция в течение года составила всего 11%.

Казалось бы, кризис позади. Но та необоснованная, на наш взгляд, смена руководства правительства в сочетании с невыполнением Государственной думой своих функций, когда она не утвердила госбюджет на 1998 год, ухудшила финансовое состояние страны. Более того, неумелая экономическая политика нового правительства и накатывающиеся на Россию волны глобального финансового кризиса в Юго-Восточной Азии вызвали острейший финансовый кризис, закончившийся дефолтом, банкротством крупнейших банков, сокращением экономики и прежде всего — огромным спадом реальных доходов населения и резким ростом безработицы. Поэтому только в России трансформационный кризис длился 9—10 лет, поскольку его нижняя точка в экономике была пройдена только в 1998 году, а в социальной сфере — в 1999 году.

Из этих 9—10 лет кризиса Е. Гайдар возглавлял правительство менее одного года и сделал почти невозможное — в труднейших условиях предотвратил социально-экономическую катастрофу России. Именно поэтому я считаю его выдающимся реформатором.

Что касается достаточно распространенного мнения, что беды в социально-экономической сфере России 1990-х годов во многом связаны с деятельностью Е. Гайдара в правительстве, то ответ можно проиллюстрировать цифрами падения ВВП. В период трансформационного кризиса в России в 1990—1998/1999 годов ВВП сократился в 1,9 раза, из которых на долю 1992 года, когда Е. Гайдар работал в правительстве, пришлось около 10% (рис.).

Все сказанное не означает, что в деятельности первого правительства новой России не было серьезных ошибок и крупных просчетов. Они были, и я, как и многие исследователи этого периода, их отмечаю.

Источник: МВФ.

Рис. ВВП России после распада СССР (трлн долл.)

Во многом эти ошибки и недостатки были связаны со сложностью того периода, когда работало правительство Е. Гайдара, и с теми совершенно новыми, неординарными задачами, которые ему пришлось решать.

Мы всегда были сильны задним умом, и по прошествии какого-то времени, уже зная результаты, конечно, более отчетливо и осознанно видим ошибки и недостатки социально-экономической политики. К тому же наивно полагать, что Е. Гайдар и его команда делали все то, что хотели бы. В условиях политического противостояния с Думой, руководящей роли президента страны, жесткого оппонирования со стороны многих влиятельных политиков, они, естественно, были вынуждены идти на определенные компромиссы, а иногда, например начиная приватизацию, действовали вопреки своим убеждениям о формах и направлениях этой приватизации, ее механизмах.

Кстати, и сам Гайдар в своих работах не раз останавливался на отдельных недостатках в деятельности своего правительства. Но в чем я абсолютно убежден, так это в том, что, если бы то правительство было другим, менее интеллектуальным, с меньшим пониманием основ рыночной экономики, менее подготовленным и склонным к коренным переменам, то нам всем было бы намного хуже. Таким, в частности, было правительство Украины того времени, где не нашлось реформаторов уровня Гайдара, и Украина оказалась отброшенной назад в сравнении с Россией. В советское время валовой внутреннего дохода на душу населения в России и на Украине был почти одинаковым, а в 2000 году, по данным Всемирного банка, этот показатель, исчисленный по ППС, в России составлял 8 тыс., а на Украине — 4,5 тыс. долл., в 2005 году — 11,0 и 6,7 соответственно. В 2010 году этот показатель ожидается в России в размере 15 тыс., а на Украине — 9,5 тыс. долл.

Я подробно остановился на реформаторской деятельности Е. Гайдара по преобразованию экономической системы России, когда он возглавил экономический блок правительства. А теперь хочу сказать несколько слов о нем как о крупном ученом-экономисте, как о научном лидере целого направления экономической науки в нашей стране.

После отставки правительства осенью 1992 года Егор Тимурович вернулся в качестве директора в институт, который он создал и возглавлял до своего назначения в правительство. Он расширил и укрепил этот институт и сделал его самостоятельным в организационном отношении, назвав Институтом экономики переходного периода. Он превратил этот институт в широко известный в мире центр российской экономической науки по исследованию процессов преобразования централизованной плановой системы в рыночное хозяйство.

Будучи верен себе, наряду с теоретическими исследованиями он сделал упор на тесную связь теории с реальной практикой и превратил этот институт в своего рода «мозговой центр» при Правительстве РФ, оказывая правительству, министерствам и ведомствам страны научную помощь в формировании социально-экономической политики, в разработке бюджета, среднесрочных программ и т. п.

Многие выходцы из института все это время работали в правительстве или в администрации президента. Я особенно явственно ощутил, сколь существенную помощь, невидимую многим, оказывает этот институт правительству, когда увидел на конференции по случаю 10-летия этого института почти полный состав экономического блока Правительства РФ во главе с премьер-министром и его заместителями, которые пришли в тот день выразить институту свою благодарность.

В частности, разработки института помогли стране быстрее покончить с трансформационным кризисом. Институт активно участвовал, насколько я знаю, в мероприятиях по нормализации социально-экономической ситуации в трудном 1997 году, когда к власти в качестве первых заместителей премьер-министра пришли «молодые реформаторы» А. Чубайс и Б. Немцов, тесно связанные с Е. Гайдаром и его институтом.

При участии института были разработаны крупные экономические реформы по налогам, жилищно-коммунальному хозяйству, снижению инфляции, ускорению экономического и социального развития. И 1998 год, казалось бы, должен был стать годом экономического и социального подъема. Но политические противники либерализации экономической системы во главе с коммунистами затеяли процесс импичмента президенту, саботировали принятие бюджета на 1998 год, чем резко ухудшили финансовое положение страны, дискредитировали и парализовали деятельность правительства и в итоге вынудили президента отправить правительство в отставку.

Многомесячное бездействие правительства в этих условиях, отсутствие бюджета сделали нашу экономику крайне уязвимой к внешним воздействиям, а новый состав правительства оказался не способным обеспечить устойчивое развитие экономики.

Докатившиеся до нас волны глубокого финансового кризиса в Юго-Восточной Азии сначала обвалили фондовый рынок, а затем создали трудности с оплатой ГКО. Все это усугублялось упрямством новых руководителей, не желавших девальвировать рубль, чтобы выйти из кризиса, а вместо этого выбравших порочный путь бесконечного повышения доходности ГКО, что в результате привело к дефолту и к новому витку кризиса, при котором ВВП в 1998 году снизился на 5%, инвестиции — на 12%, реальные доходы населения — на 16%, а в 1999 году — еще на 12%. А когда все закончилось дефолтом государственных ценных бумаг, потребительские цены взлетели на 84%.

Под научным руководством Е. Гайдара Институт экономики переходного периода проводил фундаментальные исследования происходящих в России сдвигов. Прежде всего я имею в виду крупные монографии по экономике переходного периода. Первый том с очерками об экономической политике за 1991—1997 годы был издан в 1998 году, а второй том, охватывающий период 1998—2002 годов, вышел в 2003 году. И все последующие годы институт ежегодно публиковал значимые монографии с глубоким анализом происходивших в России экономических и социальных процессов.

Огромным вниманием российской и международной общественности пользовались публикации самого Егора Тимуровича Гайдара. Редко когда увидишь на презентации книги сотни ведущих, в основном сравнительно молодых, экономистов страны. А именно такой была, например, презентация главной, по моему мнению, научной работы Е. Гайдара «Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории»¹.

В этой монографии объемом более 50 печатных листов, изданной широким для такой большой книги тиражом в 6 тыс. экземпляров, на огромном историческом материале рассматриваются проблемы современного экономического роста (раздел 1), аграрного общества и капитализма (раздел 2), траектории развития России (раздел 3), а также ключевые проблемы постиндустриального мира (раздел 4).

Это глубокое социально-экономическое исследование с сотнями ссылок, с проработкой огромного количества российской и зарубежной научной

¹ Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

литературы просто поражает. Меня восхищает огромная трудоспособность Е. Гайдара, который смог создать такой фундаментальный труд.

Эта книга, на мой взгляд, — поистине кладезь глубоких экономических идей в разных сферах: и в анализе новых черт современного экономического роста в мире, и в обобщающей характеристике особенностей экономического развития России с широким анализом постсоциалистического кризиса и восстановительного роста. Много нового для себя я почерпнул из глав по демографии, прежде всего в России, по современной миграции, анализу государственной нагрузки на экономику, по углублению кризиса систем социальной защиты. Новаторскими идеями пронизаны главы, посвященные образованию и здравоохранению, а также трансформации системы комплектования вооруженных сил. Не будучи специалистом, я не касаюсь разделов, связанных с экономической историей и политической системой, которые тоже является предметом рассмотрения в этой замечательной работе.

Книга написана с использованием тысяч цифр, фактов. При этом данный статистический анализ охватывает многие десятилетия и содержит уникальные сопоставления и сравнения.

Я мог бы многое сказать и о других научных работах Егора Тимуровича, в том числе монографических. Например, можно взять его книги «Экономические реформы и иерархические структуры», «Государство и эволюция», «Аномалии экономического роста» и очень интересную, во многом биографическую работу «Дни поражений и побед»², посвященную деятельности экономического блока правительства в 1992 году. Число публикаций Е. Гайдара перевалило за сотню.

За свои научные заслуги, широко признанные в мире, Е. Гайдар, как я считаю, был безусловно достоин быть членом Российской академии наук. Но он никогда не пытался туда избираться, и на его научном авторитете это никак не сказалось. Ученых оценивают по их вкладу в науку, а не по званиям. От отсутствия того или иного звания от Гайдара ничего не убудет, а вот от престижа экономической части Академии из-за того, что Е. Гайдар не был ее членом, убудет многое. Она не может представлять целостную экономическую науку, если столь значимая ее часть, которая идет за Е. Гайдаром, в ней не представлена.

Особенно остро это ощущается на международных конференциях, которые часто проводились под руководством Е. Гайдара. На эти конференции приглашались ведущие реформаторы разных стран мира. В них участвовали ряд лауреатов Нобелевской премии и многие выдающиеся ученые-экономисты со всего света. И ключевым выступлением на этих конференциях обычно был доклад Егора Тимуровича, который вызывал неизменный интерес.

И о печальном.

Незавидна судьба реформатора. Об этом говорил и писал даже такой великий реформатор, как Людвиг Эрхард, с именем которого связано небывало быстрое возрождение Западной Германии. Помню, к нам в АНХ приехал «отец» южнокорейского экономического чуда, ставший почетным председателем фирмы *Samsung*. Вначале он был министром финансов, а затем премьер-министром этой страны. Он рассказывал, сколь широка была ненависть к нему — человеку, сумевшему вывести из нищеты на лидирующие по-

² *Гайдар Е.Т.* Экономические реформы и иерархические структуры / Отв. ред. С.С. Шаталин; АН СССР, Ин-т экономики и прогнозирования науч.-техн. прогресса. М.: Наука, 1990. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995; *Гайдар Е.Т.* Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997; *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.

зиции в мире целый народ, обеспечившему процветание страны. С горечью рассказывал он, как в него кидали тухлые яйца, как студенты забрасывали бутылками с горючей смесью подъезды к его дому, как публично сжигали его чучело на площадях Южной Кореи.

А сколько грязи пролилось на Е. Гайдара! Даже когда он умер и элементарные правила приличия требовали соответствующего отношения к усопшему, значительная часть депутатов в Государственной думе отказались почтить его память, хотя он долго был депутатом Думы, исполнял обязанности председателя правительства, был первым вице-премьером, председателем влиятельной партии «Демократический выбор России». А клеветнические статьи, написанные сразу после смерти Е. Гайдара, в то время, когда еще не завяли венки на его могиле!

Я думаю, что Е. Гайдар тяжело переживал совершенно незаслуженное отношение к себе, и, возможно, это во многом приблизило его смерть — смерть совершенно неожиданную, безвременную.

Уход от нас такого выдающегося человека — невосполнимая потеря.

Еще раз убеждаешься в справедливости известного изречения: «Любимцы богов умирают молодыми».